

Культура. — 2005.
Забл. — С. 7

Шаги Шагала

В числе сенсаций сезона, безусловно, ретроспектива Марка Шагала. Главная интрига проекта, реализованного музейным интернационалом под эгидой Третьяковки, — первое знакомство в родных пенатах с главным, что создал Шагала после отъезда в Европу. Под занавес увидела свет долгожданная книга о художнике — из сонма монографий ее выделяет особый, сугубо личный взгляд автора; вдобавок и у нее самой непростая история, сопоставимая с судьбой наследия Шагала в России. Для Александра Каменского (1922 — 1992) это важнейший в жизни труд, поставивший автора на особое место в российской науке об искусстве, хотя и без того он был фигурой харизматической. Именно этот художественный критик, печатавшийся с 1946 года, в 1949-м обвиненный в космополитизме, а в 50-е ставший идеологом и защитником молодых художников-новаторов, придумал термин “суровый стиль”, написал серьезные исследования о Толубкиной и Коненкове, эссе “Вернисаж” и “Романтический монтаж”...

Книга А.А.Каменского писалась много лет: замысел ее восходит к той поре, когда выставок таких художников здесь почти не делали, монографий не печатали, а Третьяковка крайне скупо демонстрировала полузапретных исполнителей, чьи альбомы репродукций пересекали границу СССР на дне чемоданов немногих “выездных”. Издан этот труд впервые в 1988 году на Западе — во Франции, затем в Великобритании и Германии.

Лейтмотивом проекта “Здравствуй, Родина!” в ГТГ сделали терзающую художника, который не страдал в эмиграции от непопулярности или нехватки заказов, неостребованность в России. Ностальгия и свела его с летописцем из Москвы — да еще воля случая; когда в 1969 году вышел альбом М.Сарьяна со вступительной статьей А.Каменского, он спросил у своего героя, кому из его старых друзей стоило бы послать книгу. Сарьян с горестным вздохом назвал последнего из друзей юности, пояснив, что Марк Шагала живет во Франции. Так и началась переписка искусствоведа с уроженцем Витебска, длившаяся до кончины художника и согретая взаимным теплом: “Все, что Вы говорите, проникнуто любовью”, — заметил Шагала в одном из писем. По счастью, в 1973-м, когда Шагала уже мировой знаменитостью приезжал на свою выставку в Москве, им удалось встре-

титься: тогда Каменский скрупулезно записал для истории каждый жест и фразу Мастера.

Личную мифологию Шагала выстраивал восемь десятилетий. Ни годы, ни страны и континенты не изменили его метафорического видения и стиля, найденного еще в юности — в России Серебряного века и в лоне парижской школы. Эпоха, когда изучение русского авангарда (включая шагаловедение) еще не достигло нынешней точности, связанной с вводом в оборот архивных документов, равно как авторитет “друга по переписке”, не могли не наложить отпечатка на труд Каменского, где не все даты и факты совпадают с точкой зрения сегодняшних ученых. Это отмечает в послесловии “Русская книга о Марке Шагале” научный редактор издания, крупный специалист по авангарду Александра Шатских. К примеру, совсем иначе она интерпретирует легенду, согласно которой в мае 1920 года Шагала навсегда покинул Витебск: якобы львиная доля его учеников, захваченная идеями супрематизма, переметнулась к Малевичу, и недруг-соперник заставил “художника-поэта” расстаться с родным городом...

И все-таки глубокий анализ знаковых работ Шагала, подробное описание периодов его творчества, от наиболее ценного российского до мало нам знакомого позднефранцузского, не оставят равнодушным вдумчивого читателя, пытающегося разгадать шагаловский феномен. Завершающая книгу глава “По касательной к эпохе. Художник и революция”, где описано и “комиссарство” в Витебске, и работа в Еврейском театре Москвы, и российские реминисцен-

ции — “Духи русской революции” — у зрелого Шагала, читается как детектив. Опираясь на широкий научный материал, автор ведет динамичное, захватывающее повествование с массой интересных деталей — взять хотя бы подзаголовки “Парижский вихрь” или “Мифология счастья”. Коллективное бессознательное и визионерские представления, национальное и ритуальное, элементы фольклора и предельная искренность — многое слилось в “сверхреальном” мире маэстро из Витебска, возникшем в провинциальном городке и заворожившем полмира. Генезису его посвящены главы “Шагал и Россия”, “Ранний Шагала” и “Взлет”, где автор рассказывает и о еврейской “идентичности” Шагала (не следует забывать, что в пору государственного антисемитизма это было весьма смело для советского искусствоведа), и о перипетиях культуры иудаизма, пережившей в России новый взлет и новые испытания, — все вместе укрепило Шагала в мысли о своем “избранничестве”. И объясняет кочующие по картинам константы: парящие в безвоздушном пространстве скрипачи, новобрачные, ослы, козы, несущие свечи, или крылатые часы... Все эти “визитные карточки” гения — причудливые звенья особой визуальной системы, для которой так и не найдено четкого определения: лирический экспрессионизм с чертами символизма и гротеска, смесь мечты с иронией, сказки с реальностью, памяти индивида и целого народа?

Издание содержит массу ценных приложений, включая выдержки из книги Шагала “Моя жизнь” и писем русским корреспондентам (П.Эттингеру, А.Бенуа, И.Эренбургу). Интересно читать фрагменты статей Шагала в советской прессе 1918 — 1928 годов и публикаций, посвященных ему в России и эмиграции, с 1914 года по 1940-й. В этом контексте А.Каменский становится в ряд блистательных “старых” критиков: А.Эфрос, Я.Тугендхольд, Н.Пунин... Данью уважения коллеге и залогом неоспоримой ценности книги служит помещенная в ней статья “Поиск и обретение героя”, которую написал еще один серьезный знаток творчества Шагала и авторитетнейший историк искусства — академик Дмитрий Сарабьянов.

Елена ТИТАРЕНКО

Александр Каменский. “Марк Шагала. Художник из России”. М.: “Трилистник”, 2005.